

Норейка Виригиус
(170-летний юбилей)

28.09.05

Свободный полет

Имя Виригиуса Норейки у старшего поколения меломанов ассоциируется с большим миром оперы, куда вход был практически запрещен, но двери все-таки изредка приоткрывались – редкими гастрольями зарубежных трупп, дефицитными виниловыми пластинками с записями первых голосов мира и, соответственно, первых теноров – тоже. Искусство Норейки в ограниченном воображении любителей оперы одной шестой части света, казалось, приходило к нам из-за границы, оттуда, где царили свобода, раскрепощенность, где не было старорежимных оперных канонов. Но “западничество” Норейки было отнюдь не “прибалтийского” толка. Не было в его сценическом образе ничего подражательного и далекому по тем временам образу “звезды”. Хотя в середине 60-х певец стажировался в миланской Скала, спел там итоговый спектакль и, как и многие посланцы из СССР, получил немало выгодных предложений от крупнейших театров мира. Завидная свобода литовского тенора – становилось понятно из его сценических свершений – была прежде всего свободой внутренней – свободой музицирования и свободой взгляда на оперу как искусство театра. На оперном небосклоне СССР Норейку позиционировали как выдающегося певца братской Литвы (он, как и Биешу, как легендарные эстонцы Куузик, Пальм, Крумм, киевляне Мирошниченко и Соловьяненко etc., непременно выступал на всех представительских концертах в Москве, пел на сцене Большого), но и казался, и выглядел независимее других. Словно обгонял время, сочетая в своем пении и сценическом облике раритетность старой оперной школы с новейшими течениями “оттуда”. Попросту умел чувствовать время, предугадывать его и им играть (неслучайно и сегодня, как рассказывают, он поет джаз и даже рэпует), увеличивая объем сочиняемых вокально-сценических образов. Задним числом кажется, что вместе с Атлантовым и Соткилавой Норейка вполне бы мог составить легендарную тройку первых теноров – только не в мировом масштабе, а в союзном.

Художественная интуиция, помноженная на уникальной породы талант, возвышала Виригиуса Норейку на оперном небосклоне СССР необычайно высоко, но для мировой славы, какую по всем показателям ему назначила природа, объективных возможностей не хватало и “взять” мировую сцену ему уже не позволил возраст.

Но все это не значит, что лирический тенор Норейка на протяжении всей сценической карьеры оставался баловнем судьбы, не знал преодоле-

В.Норейке – 70

ний и почивал на лаврах в окружении бесчисленного сонма поклонниц. Одна министерская дама в самый что ни на есть застойный период рассказывала, чрезвычайно гордясь личным знакомством с литовским соловьем: “Виригиус, – говорю я ему, – зачем вы поете Каварадосси, ведь вы же лирический тенор? Сколько известно случаев, когда голос тускнел и портился из-за этого вечного тяготения лирических теноров к крупным партиям!” А он пел тем не менее и Каварадосси в “Тоске”, и Хозе в “Кармен”, и его неумолимо тянуло в “драму”, в большие страсти, в подлинный мир итальянских страстей, где, вероятно, по-актерски дышалось свободнее, чем в лирических партиях Ленского (“Евгений Онегин” П.И.Чайковского), Альфреда и Герцога (“Травиата” и “Риголетто” Дж.Верди), графа Альмавивы (“Севильский цирюльник” Дж.Россини). Но в любом спектакле он неизменно становился лидером, непредвзято выстраивая отношения персонажей вокруг своего героя. Лидерство было назначено ему судьбой вместе с певческим даром. И когда “юношеские” роли стали уходить из репертуара, он, продолжая петь, возглавил в качестве директора Литовскую Оперу, затем начинает преподавать, причем не только в Литве, но и в Эстонии, с удовольствием принимает участие в жюри различных международных конкурсов вокалистов и по-прежнему охотно концертирует, давая уроки непревзойденного вокального вкуса и мастерства.

Нынче Виригиус Норейка отмечает 70-летний юбилей, оставаясь необыкновенно молодым человеком и по-прежнему ищущим художником. Что сказать, такое подвластно только тем, кто умеет не разменять дар свободы.

Сергей КОРОБКОВ

Кузнецова, 2005, 22-28 сент. - 69